

Психологические особенности членов деструктивных и террористических (радикальных) групп

Автор продолжает серию публикаций, призванных осветить некоторые проблемы, связанные с изучением феномена контроля сознания. Деятельность «деструктивных организаций» в российском обществе и мире еще не была достаточно рассмотрена в контексте радикальных асоциальных групп. Радикализм во всех его формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем мировой значимости. В ходе изучения особенностей «вовлеченных» личностей, как членов радикальных и культовых (деструктивных) групп, их деятельности, автор обнаружил, что и те и другие применяют схожие техники реформирования мышления (контроля сознания) для осуществления своей деятельности, а также, как правило, занимают близкое между собой асоциальное отношение к государственным институтам власти, и как следствие к обществу. Поэтому автор хочет обратить внимание общественности к данной проблеме. Перед тем как перейти к особенностям личностей членов этих организаций, рассмотрим вводную терминологию и краткий экскурс в историю развития терроризма в обществе.

Вводная терминология:

Деструктивный культ (секта) — разновидность организации, чья практика (религиозная и/или психологическая, т.е. с применением психо-методик) признается авторитетными институтами гражданского общества деструктивной в отношении: личности в данном обществе, психического и/или физического здоровья, гарантированных прав и свобод человека; самого гражданского общества, его сложившейся традиционной структуры, культуры, норм общественного порядка, ценностей и образа жизни.

«Деструктивные группы» — это группы экономических субъектов (компании) главным объединяющим признаком, которых является: культовая идеология и применение техник «контроля сознания» к своим сотрудникам.

Контроль сознания («незаконное влияние», «реформирование мышления», «программирование», «несанкционированное внедрение в психику») — это сознательное насильственное управление психикой и поведением человека, психологическое воздействие с целью достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого человека к совершению определенных действий (в пользу манипулятора), с использованием ненасильственного (насильственного) обращения в веру (внедрение убеждения), или техники модификации поведения без информированного (осознанного) согласия, или с индуцированного согласия того человека, к которому эту технику применяют.

«Чудо» — культовая идеология, псевдонаучное описание тех или иных методик (технологий или процессов), вымышленные события и факты в культовой истории «деструктивной организации» и т.д.; это весь комплекс информации, которым сопровождается применение технологий «контроля сознания» в культовой группе.

«Дело» — идеология, описание тех или иных методик (технологий или процессов), вымышленные события и факты в истории «радикальной организации» и т.д.; это весь комплекс информации, которым сопровождается применение технологий «контроля сознания» в радикальной группе.

«Консультирование по выходу» — это вид психологического консультирования, целью которого является содействие развитию способностей критически мыслить у клиента, в отношении, к личности которого использовались техники контроля сознания.

«Вовлеченная» личность — личность, которая является рядовым членом «деструктивной (культовой)» или радикальной (асоциальной) организации.

«Тревожность» — личностная черта, проявляющаяся в легком и частом возникновении состояний тревоги. Тревожность возникает при благоприятном фоне свойств нервной и эндокринной систем, но формируется прижизненно, прежде всего в силу нарушения форм внутри- и межличностного общения, например между родителями и детьми.

Радикализм — установка личности на радикальное, быстрое и решительное решение проблем. Под политическим радикализмом понимают иногда призывы к насильственному свержению существующего строя, категоричность и нетерпимость идеологической доктрины; иногда — экстравагантность политической практики. Победа радикалов возможна лишь в исключительных обстоятельствах, тогда маргинальные обычно настроения в обществе становятся активными и качественно доминируют (если таких обстоятельств нет, их можно создать).

Терроризм — это метод, посредством которого организованная радикальная (асоциальная) группа стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия.

Психологический портрет терроризма, как социального явления

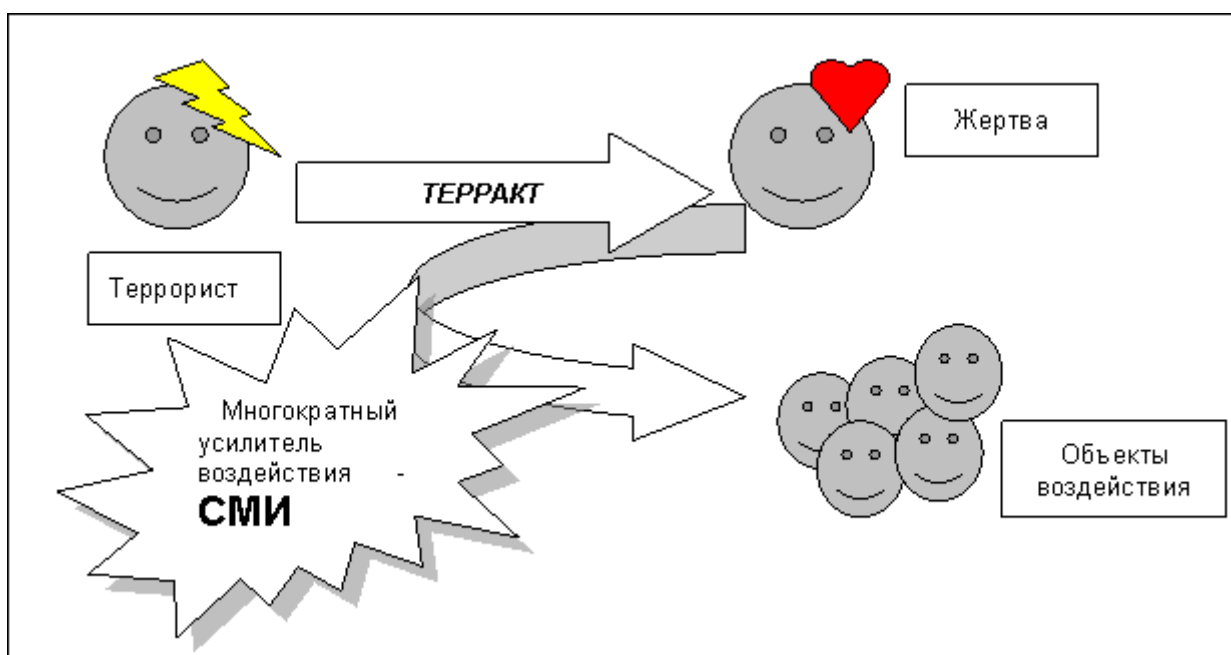
Понятия «терроризм» и «террорист» появились в конце 18-го века. Если верить одному французскому словарю, якобинцы часто употребляли это понятие устно и письменно по отношению к себе — и всегда с положительным оттенком. Однако уже в ходе Великой французской революции слово «террорист» стало носить оскорбительный смысл, превратившись в синоним «преступника». Впоследствии термин получил более расширенное толкование и стал означать всякую систему правления, основанную на страхе. Затем, до самых недавних пор, слово «терроризм», употреблялось очень широко и означало весь спектр различных оттенков насилия.

Бурное зарождение и становление терроризма в России началось в конце 19 века, когда среда интеллигенции воспитала и вырастила огромную плеяду террористов-революционеров, чья деятельность в итоге привела к развалу Российской империи. К 70-м годам 20 века термин «терроризм», наконец, приобрел универсальное значение и сейчас используется для обозначения мотивированного насилия с политическими целями.

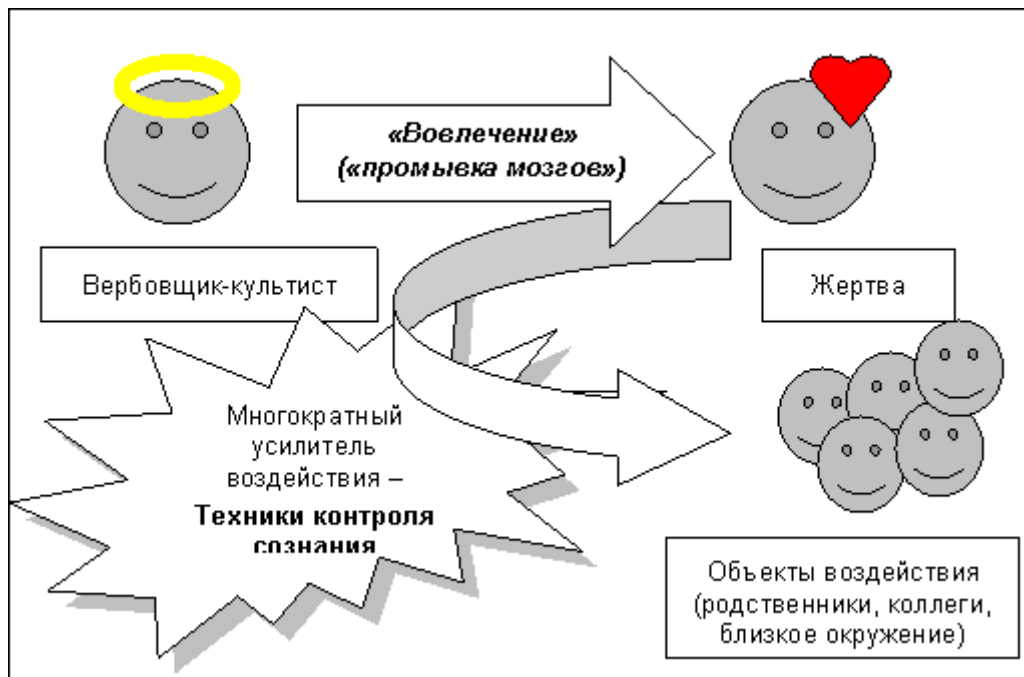
С 1970-х годов широко используется термин «международный терроризм», который проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества ООН определяет как «совершение, организацию, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства актов против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют цель вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом».

В русском языке существуют понятия “террор”, “терроризм”, “террористический акт” и сравнительно недавно появились выражения “международный терроризм”, “государственный терроризм”. В толковом словаре В.И. Даля подчеркивается нацеленность терроризма – утратить смертью, насильем. С.И. Ожегов в своем словаре уточняет: “Террор – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам”. Некоторые исследователи, такие как В. Замковой и М. Ильчиков считают, что террор используется политическими силами, находящимися во власти, опирающимися на властные структуры и репрессивный аппарат подавления, армию, различные спецслужбы и т.д., а терроризм относится к оппозиционным силам, выступающим против “истеблишмента” и являющимися объективно стороной более слабой. Таким образом, можно сделать вывод, что в литературе под террором, терроризмом, террористическим актом понимается устрашение насильственными методами противника, то есть конкретного физического лица (лиц), исполняющего государственные, политические или другие общественные функции, а также отмечается уголовная направленность многих из них.

Необходимо отметить, что любой террористический акт включает в себя три элемента: террориста, его жертву (объект нападения), а также лиц, которые служат объектом воздействия.

Одна из главных целей террористического акта — психологическое воздействие на индивидов, не являющихся непосредственно жертвами данного преступного действия. Значительная часть актов террора совершается ради извлечения материальных выгод (например, захват заложников с целью получения выкупа), хотя они могут прикрываться иными целями. Акты терроризма являются преступлениями, то есть, запрещены национальным и международным правом. Таким образом, группы, совершающие их, не могут претендовать на название освободительной организации, представляющей нацию (народ), борющуюся за свое освобождение. Любой акт «вовлечения» человека в культ включает в себя те же три элемента: вербовщика, его жертву (объект нападения), а также лиц, которые служат объектом воздействия.

Атмосфера страха – необходимый элемент практически всех разновидностей проявлений деструктивной деятельности, как «деструктивных», так и террористических организаций. Во многих существенных определениях деяние расценивается как акт терроризма, если оно совершается в политических целях (осложнение международных отношений, дестабилизация государственного правопорядка, воздействие на внутреннюю и внешнюю политику и т.п.)

Субъектами актов терроризма являются как террористы-одиночки, так и члены террористических групп, то есть относительно устойчивых объединений физических лиц, избравших для достижения своих целей методы насилия и террора.

Субъектами актов «реформирования мышления» («промывки мозгов») становятся как индивидуумы, так и члены различных групп, распространяющие психологическое насилие, которые существуют ради осуществления определенной деятельности, закрепленной в каком-либо элементе «чуда».

Прим. Автора: Закон “О борьбе с терроризмом”, принятый в России 25 июня 1998 года, в ст.3 дает полное определение терроризма, международного терроризма и террористической деятельности.

Терроризм – насилие или угроза его применения в отношении лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства и ли сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные

помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Прим. Автора: Закон о борьбе с терроризмом 1998 года определяет террористическую группу как группу лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности, а террористическую организацию как организацию, созданную в целях осуществления террористической деятельности или признающих возможность использования в своей деятельности терроризма. Террористические группы могут быть частью преступных общеуголовных объединений, занимающихся незаконной экономической деятельностью; освободительных и псевдоосвободительных левых и правых движений, а так же частью религиозных и псевдо-религиозных культов.

Признаки терроризма

Современный терроризм имеет несколько специфических основных характеристик, которые отличают его от других форм проявления радикализма. Сознательно, целенаправленно и систематически применяется сила против не участвующих в борьбе. Соответственно, характерной тактикой терроризма являются удары по общедоступным местам и транспортным средствам, убийство служащих, судей или руководителей организаций (т.е. людей занимающих «публичные посты» и отвечающих за распределение ресурсов), и это, не считая самих актов саботажа против хозяйственных предприятий и инфраструктуры. Деструктивные организации тоже предпочитают «реформировать мышление» («вовлечь») людям того же статуса (членов их семей), для того, чтобы оказать серьезное влияние (контроль) на распределение экономических или властных ресурсов (методы влияния деструктивных организаций рассматриваются автором в другой научной статье: «Проблемы идентификации деструктивных организаций в субъектах экономической деятельности»).

Один из основных признаков терроризма заключается в его косвенном дестабилизирующем воздействии. Это в конечном результате оказывается еще важнее прямого влияния террористических силовых актов против людей или оборудования. Китайская поговорка «Убить одного и запугать сотни» в очень точной мере относится к этому воздействию. Сейчас современный терроризм самым тесным образом связан с современными средствами массовой информации. Средства массовой информации существенно усиливают косвенное воздействие террористических акций. Без средств массовой информации не было бы современного терроризма. Современный терроризм не знает никаких границ в пространственном отношении, а имеет только политико-психологические границы. Средства массовой информации создают терроризму «виртуальное пространство», через которое можно добиться политических и психологических воздействий на реальный мир. Террористические покушения на политиков вселяют «тревожность» не только в их ближайшее и дальнее окружение. Через средства массовой информации можно вызвать неуверенность в национальном или даже международном масштабе. Примером могут послужить события, освещаемые каналом «Аль-джазира» терактов в США и в Азии, или освещаемые отечественными СМИ события в Буденновске и Москве («Норд-Ост»). Деструктивные организации, наоборот, стремятся избегать внимания СМИ к своей деятельности. Как правило, они стараются «реформировать мышление» («вовлечь») ключевых «лидеров» СМИ в регионе, где их присутствие значимо

(так в Поволжье в некоторых областях руководители ТРК и крупнейших областных газет, являются «вовлеченными» личностями (саентологами), что сводит любые попытки к публикации информационных материалов о культах в регионе к нулю) . Террористическое покушение на «представителей системы» может вызвать в общественном сознании сомнение в стабильности общественной жизни. Этот политико-психологический дестабилизирующий эффект вынуждает как-то реагировать политическое руководство. Очень часто это реагирование выражается в чрезмерной реакции или в покорном попустительстве (пример Хасавюрта, после событий в Буденновске).

Следующий признак терроризма представляется парадоксальным, но убедительно доказывающим, что терроризм является не только «социологическим феноменом» исполнителей и пропагандируемого ими «Дела» («Чуда»). В соответствии с внутренним характером терроризма, а именно с его кровавой жестокостью вне всяких правовых норм, терроризм никогда не может стать подлинно «популярным». Наоборот, при отсутствии влияния государства и средств информации, население в основном спонтанно и настойчиво отвергает террористические покушения и их террористических инициаторов (хотя история терроризма 19 века в России показывает, что ситуация может сложиться с точностью до наоборот). Кроме того, террористические покушения почти всегда дискредитируют пропагандистски представляемое их зачинщиками «Дело» («Чудо») в среде потенциальных «жертв» (пример: потеря поддержки населением деятельности ИРА в Ирландии, «чеченофобия» в России или завершение деятельности «Аум Синрике» в Японии). По своей сущности терроризм совершенно не достигает цели как средство получения политической поддержки какой-то части населения и даже тем более большинства населения. Но достаточно часто цель терроризма не получить поддержку общества, а заставить «врагов» принять свои требования под угрозой террора.

Современный терроризм выходит за рамки категории «гражданской войны», в которой многочисленные политические силы насильственно борются за достижение власти внутри государства, но при этом рассчитывают на поддержку возможно большего числа населения. Современный терроризм может дестабилизировать и ослабить государство и экономику. Современные культы в отличие от терроризма ослабляют государство и общество, причем упор делается на общество. Государственная, хозяйственная и культурная элита может быть запугана, и ее дееспособность может быть существенно заморожена. Государство может быть разрушено. Именно террор послужил толчком к развалу Российской империи.

Если принять терроризм, как форму малой (скрытой) войны, то, согласно определению Клаузевица, терроризм должен быть «продолжением политики другими средствами». Однако терроризм представляет собой не насильственное «продолжение» пропагандируемого террористами политического «Дела» («Чуда»), а «служит» политическим целям или государственным интересам «заинтересованных третьих лиц». Культы тоже служат ненасильственным «продолжением» интересов третьих лиц на территории стран, где их деятельность не является традиционной. В этом смысле вполне уместно использовать понятия терроризма, деструктивной деятельности и «суррогатных военных действий» как синонимы (в рамках этой статьи). Терроризм, как и деятельность «деструктивных организаций» является косвенным потенциально высокоэффективным способом дестабилизации и ослабления враждебного государства, не переходя порога открытой враждебности (военных действий).

Культы при условии контроля ими определенных социальных групп легко могут влиять и принимать участие в экономике и политике государства. Уже достаточно часто во время муниципальных и региональных выборов в Поволжье многие из кандидатов, оказываются представителями культов (как правило, это саентологи). В некоторых городах-миллионниках тысячи приверженцев того или иного культа готовы проголосовать за того кандидата, которого укажет «гуру», и это страшнее (для государства) чем террористический акт .

Приведу отрывок из своей статьи «Проблемы идентификации деструктивных организаций в субъектах экономической деятельности». «...В Поволжье в одной из крупнейших политических «пропрезидентских» партий (недавно объединившейся) до 30% местных партийных ячеек контролируется «деструктивными группами», и они готовятся к выборам (к борьбе с КПРФ)...
...Рассмотрим простой пример с политической партией. «Вы думаете, что они [культисты] внесли большие деньги в кассу или подкупили кого-то из региональных политиков?» — НЕТ. «Вы думаете, что они [культисты] шантажировали и зазомбировали местных политиков и держат их под контролем?» — НЕТ. Они сделали просто. Открыли на всех своих «контролируемых» предприятиях ячейки данной партии — добровольно!!! Теперь многие партийные активисты к свои убеждениям прибавили и любовь к «чуду». Все – занавес...»

Американский политолог профессор Адда Б. Бозман в своем докладе «Гидра кровавой бойни — международные связи терроризма и других операций малой интенсивности» указывает на то, что Византийское царство пришло к процветанию за счет комплекса дипломатических приемов, «активных мер» службы информации, психо-политических операций и нерегулярных военных действий, включая государственный терроризм. При этом Византия разработала «огромный арсенал стратегических принципов и приемов» «деморализации, ослабления и обхода» потенциального врага. Византия предпочитала косвенную военно-политическую борьбу прямому использованию своих существенно ослабленных вооруженных сил. В расплывчатой зоне между войной и миром нерегулярные политико-военные операции были основой ее успешной внешней политики. Эта «византийская модель» позволила Византии продолжать существовать столетия, несмотря на возрастающее экономическое истощение и явный упадок. Эта политика продолжала затем проводиться — снова в течение столетий — «республикой» Венеция. Снова возникает мысль о «заинтересованных третьих лицах», которые, находясь «извне», добиваются дестабилизации и ослабления государства разными способами: терроризмом, радикализмом и т.д. Здесь напрашивается ассоциация с деятельностью «деструктивных организаций» (саентология, мормоны, муниты и т.д.), которые служат дестабилизирующей составляющей деятельности государства и общества в странах, где деятельность данных организаций не традиционна. Стоит заметить, что деятельность «проамериканских деструктивных организаций» на территориях третьих стран курирует специальный отдел в Госдепартаменте США и ЦРУ, и можно предположить, что некоторые члены этих групп занимаются шпионажем на территории нашей страны . Не случайно во всех региональных управлениях российских спецслужб существуют структуры, занимающиеся мониторингом и анализом деятельности «деструктивных групп», при этом мы даже не затрагиваем еще то, что продекларированной целью некоторых «организаций» есть мировое господство и политическая власть нового типа. Так у саентологов продекларировано, что 20% населения планеты («подавляющие личности»), которые «борются» с их доктриной должны быть уничтожены или стерилизованы.

Внешне деятельность этих организаций связана с благотворительностью, образовательными услугами, религиозной и миссионерской деятельностью и т.п., внутреннюю составляющую этих организаций, к сожалению, знает очень малое количество специалистов, что позволяет данным организациям процветать, скрывая свои истинные цели и последствия своей деятельности от широких слоев обществу.

Терроризм и деструктивная деятельность, как возможный «социологический феномен»

Представление, что появление терроризма и деструктивной деятельности объясняется тем, что «введенные в заблуждение», в основном молодые люди, попавшие под влияние «радикальных (часто религиозного характера) идеологий», встали на путь «криминального насилия», чтобы совершать «бессмысленную слепую разрушительную работу» — (частично) ошибочно. Попытка ответить на вопрос «Qui bono» (кому выгодно) по отношению к террористическим актам, уже может помочь понять и узнать многие факты о террористических исполнителях и о пропагандистски представляемом ими «Деле» («Чуде»). Одно только объективное рассмотрение политического результата и политической выгоды террористических актов вынуждает принимать в расчет, помимо исполнителей и целей нападения, «заинтересованных третьих лиц» (понятие фон дер Хейдте). Исполнители террористических актов и представляемое ими «Дело» («Чудо») существуют в среде социально-экономических, национальных, этнических и идеологических конфликтов. Но это не значит, что эти в широком смысле социологические факторы среды в 20-21 веке фактически являются «источником» современного терроризма. Скорее всего, социологические факторы формируют лицо терроризма, но не являются «причиной».

«Терроризм обуславливается социологическими факторами, но сам не представляет собой социологического явления», — замечает фон дер Хейдте, который, цитируя Карла Шмита, утверждает: «Как только это становится возможным», «нерегулярные борцы всегда приходят на помощь регулярным властям».

За потенциальными кандидатами в террористы необходимо следить, их необходимо отбирать и вербовать. Их нужно обучать террористическому ремеслу. Для этого необходимы специалисты по разведке и контрразведке, военные специалисты и логистические предпосылки, которыми располагают, прежде всего, и в основном государства.

Начиная, самое позднее, с 1990 г., это утверждение больше не является только гипотезой, обосновываемой косвенными доказательствами, но может даже считаться доказательным в смысле возможности быть использованным в суде. По мере того, как данные о деятельности восточногерманского Министерства государственной безопасности, по крайней мере, частично, становятся достоянием гласности, то выясняется, в каком объеме существовали связи между МГБ и террористическими организациями, в частности, группами Красной армии в Западной Германии. Это утверждение касается, естественно, также и других служб различных государств, таких как США («Соппротивление» в Афганистане) и РФ («Соппротивление» в Грузии).

Прим. Автора: рекомендую прочитать: Жижек Славой. Добро пожаловать в пустыню Реального/ пер. с англ. Артема Смирнова - М.: Фонд "Прагматика культуры", 2002. - 160 с. ISBN 5-7333-0220-8 и Вирилио Поль. Информационная

Психология личности члена радикальной (асоциальной) и «деструктивной организации»

Люди, вступающие в ряды радикальной группировки (далее: террористы) или «деструктивной организации» (далее: культисты) — это выходцы из разных социальных слоев и жизненных сфер. Существует определенный набор личностных черт, которыми должны обладать члены радикальных групп. Есть основания полагать, что эти черты во многом сходны с теми, которые отличают приверженцев религиозных культов. Серьезные изменения личности, связанные с принадлежностью человека, к какому либо культу и принятием его нормативной системы, описывает Конвей (Conway, 1978). Сходные изменения немецкие ученые (Байер, Кетль и др.) находят у солдат и квалифицируют как «скачок». Резкие изменения, «скачок», происходят и при вступлении в террористическую организацию, поскольку человек отказывается от принадлежности к определенной социальной группе, порывает с обществом и принужден вести подпольное существование (Conway, 1978).

Изучив различные социальные группы, проведя с сотнями – консультации, консультанты «по выходу» и социальные психологи пришли к следующему обобщению. Существуют следующие социальные и характерологические особенности индивидов, склонных к индоктринации (подразумевается, в том числе и «скачок»): истероиды, лица с паранойяльной настроенностью, психастеники, зависимый тип личности, лица из семей с гиперопекой, лица из неполных семей, лица из асоциальных семей, лица с ограниченными физическими возможностями, лица, пережившие тяжелые психотравмы, лица с развитым эйдетическим восприятием (галлюцинация наяву), лица, склонные к конфабуляциям (разновидность «ложных воспоминаний», «галлюцинации воспоминания»), дети, внуки и родственники культистов или террористов.

Чем младше человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, ибо воспринимает окружение как обучающую среду. Период раннего полового созревания характеризуется активной ориентацией на адаптацию к паттернам общения в малой группе, то есть восприятие правил игры в коллективе. Этот возраст более всего уязвим в плане повышенной восприимчивости к предлагаемым ему паттернам поведения в группе, более того, именно в этом возрасте резко возрастает значение символических родительских фигур, которые проективно разыскиваются вовне.

Второй возраст повышенной чувствительности — юношество 17-19 лет, когда возникает реальная жажда самоутверждения в социуме, однако сил для этого не хватает, а потому нужна поддержка покровителей, которые заведомо сильнее и образованнее самого человека. Достаточно продемонстрировать эффективность собственного поведения в кризисных ситуациях, для того чтобы стать кумиром молодого индивидуума. В юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа «Я» через отрицание отвергаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми вовне примерами судеб и моделей жизни. Именно на этом строится психополитика индоктринации, ориентирующаяся на предложение незрелому индивидууму ролевых моделей, заведомо отличающихся от общепринятых. Личностная зрелость проявляется в адекватном восприятии того образа жизни, который не

созревшему индивидууму представляется как формальный, банальный, пыльный (то есть отживший), скучный и серый, отыгравший, исчерпавший себя, неперспективный, безжизненный.

Согласно статистическим исследованиям, большая часть взрослых культивистов принадлежат слабому полу, в то время как подавляющее большинство руководителей культов — мужчины. В террористических группах ситуация выглядит наоборот — 75% мужчины. В последние 5-6 лет женщины в радикальных организациях стали привлекаться к активной террористической деятельности, как террористы-смертники, раньше их деятельность сводилась к «подготовке и планированию» террористических актов, а не к участию.

В террористических организациях обычно велик, как и в культах, процент агрессивных параноидов. Их члены склонны к экстернализации, к возложению ответственности за неудачи на обстоятельства и поиску внешних факторов для объяснения собственной неадекватности. Это полностью согласуется с выводами монографии Эрика Хоффера «Правоверный», в которой показано, что для большинства религиозных культов характерен образ общего врага, которого можно обвинить во всех внутренних проблемах религиозной организации. Таким врагом может быть Сатана, правительство, другие конфессии (Hoffer, 1951). В. Волкам видит здесь неизбежный феномен жизни. Человек испытывает потребность причислять одних людей к своим союзникам, других к врагам, и эта потребность — результат усилий по защите чувства самоидентичности (Volkam, 1986). Не удивительно, что исламские террористы поддерживают боевой дух бойцов, указывая на угрозу со стороны «Порождения Сатаны» — Соединенных Штатов Америки. В этой связи Джон Мак развивает понятие «эгоизма преследователя жертвы». Это понятие обозначает отсутствие сострадания преследователя к своей жертве, даже если ее страдания намного превышают тот уровень страданий, какой испытывает сам преследователь или связанные с ним люди (Mask, 1979; Olson, 1988). В эгоизме преследователя, возможно, кроется объяснение того, почему ужасные акты террористов могут совершаться столь хладнокровно, предумышленно и расчетливо (Miller, 1988). Организация насилия требует для личности внутреннего самооправдания. Задача — вовлечь большую массу людей, для которых либо цели террора или культа столь высоки, что оправдывают любые средства, либо столь неразборчивы в средствах, что готовы реализовать любую поставленную задачу. Впоследствии Лифтон развивая свою концепцию, изложенную в работе «Реформирование мышления и психология тоталитаризма», дополнил ее моделью «удвоения личности», освещая процесс «самооправдания», в работе «Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида». Он попытался объяснить психологические механизмы, которые позволили профессиональным врачам стать невосприимчивыми к тому, что они стали частью самого эффективного конвейера убийств, известного человеческой цивилизации: нацистских лагерей смерти. Это исследование привело к более точному пониманию того, как люди, здоровые психически и физически, образованные и идеалистичные, довольно быстро могут становиться фанатиками движений, вся идеология и деятельность которых прямо противоречит их первоначальным взглядам на мир. Такая резкая и глубокая ресоциализация личности является результатом специфической адаптивной реакции в условиях чрезвычайного группового давления и манипулирования базисными человеческими потребностями. Лифтон назвал ее «удвоением».

Удвоение заключается в разделении системы собственного «я» на две независимо функционирующие целостности. Разделение происходит потому, что в

определенный момент член культовой или террористической группы сталкивается с тем фактом, что его новое поведение несовместимо с докультовым (дотеррористическим) “я”. Поведение, требуемое и вознаграждаемое тоталитарной группой, настолько отличается от “старого “я”, что обычной психологической защиты (рационализации, вытеснения и т. п.) недостаточно для жизненного функционирования. Все мысли, убеждения, действия, чувства и роли, связанные с пребыванием в деструктивном культе, организуются в независимую систему, частичное “я”, которое полностью согласуется с требованиями данной группы, но происходит это не по свободному выбору личности, а как инстинктивная реакция самосохранения в почти невыносимых — психологически — условиях. Новое частичное “я” действует как целостное “я”, устраняя внутренние психологические конфликты. В Аушвице врач мог через удвоение не только убивать и осуществлять вклад в убийство, но и молча организовывать в интересах этого зловещего процесса всю структуру своего “я”, все аспекты своего поведения.

Удвоение отличается от традиционных концепций “расщепленного” сознания и “расщепленных” психологических систем личности (то есть составных личностей). Эти процессы считаются пожизненными моделями, которые начинаются в раннем детстве, обычно в ответ на серию травматических событий и крайне конфликтных отождествлений, которые незрелая психика не может постигнуть или интегрировать и остаться при этом нетронутой или “целой”. Более того, диссоциированные или множественные «системы личности» индивида обычно сознательно не подозревают друг о друге и скорее действуют независимо. При удвоении, однако, две «личности» знают друг о друге, и все-таки действия «злой» половины не имеют никаких моральных последствий для того «я», которое не несёт на себе зла. Удвоения не бывает у детей даже тогда, когда они сталкиваются с подавляющей травмой. Оно происходит у взрослых, реагирующих на крайнюю, но не непостижимую ситуацию (такую, как тоталитарный режим). Более того, у взрослого, который “раздваивается”, присутствует элемент активного, адаптивного, участия как средство приспособления к крайности. Удвоение включает массивную психическую перестройку, однако оно может быть относительно временным и относительно легко обратимым. Само по себе удвоение не является ни плохим, ни хорошим. Говоря вообще, приспособительная потенциальная способность к удвоению является присущей человеческой психике и может быть со временем спасительной для жизни: для солдата на войне, например; или для жертвы жестокости, такой, как заключенный в Аушвице, который должен испытать какой-то вид удвоения, чтобы выжить. Но адаптивно «удвоенное «я» может стать опасно необузданным, как это произошло у нацистских врачей. К тому же, кроме социальной опасности массового «удвоения» это явление в любом случае наносит тяжелейшую травму сознанию и психике человека, вынужденного его пережить, что прекрасно известно по опыту узников лагерей и ветеранов войн. Именно интенсивность и особенности воздействия в деструктивных и радикальных «организациях» таковы, что их трудно приравнять к обычным способам социализации и жизнедеятельности. Ближе всего к тому, что происходит в тоталитарных и радикальных «организациях» — подготовка новобранцев в армии, пребывание на войне, тюрьмы, концлагеря и разные подпольные террористические группы. Чрезвычайность однонаправленного воздействия — чрезвычайного по силе и специально созданным условиям, резко отличающимся от обыденно-повседневного процесса социализации, — при отсутствии равносильной конкуренции, равновесного выбора — вот что такое деструктивная культовая или террористическая группа в социально-психологическом смысле. Если в

нормальном обществе предлагаются различные (и противоположные, взаимоисключающие) идеи с более или менее одинаковой силой, то деструктивный культ, с этой точки зрения, это целенаправленная система для обеспечения исключительно одностороннего воздействия с максимальным исключением возможности выбора и с максимальным обеспечением силового воздействия одной идеи или личности.

Через «возвышенные мотивы» обычно вовлекают молодежь, которая, в силу умственной и моральной незрелости, легко принимает радикальные национальные, социальные или религиозные идеи. Вовлекают ее чаще всего через тоталитарные (т.е. полностью подавляющие волю людей и подчиняющие их только воле «вождя» «учителя»), религиозные или идеологические секты типа «Аум Синрикэ» или «Красных бригад». Длительное нахождение членов террористических или культовых групп в конспиративной обстановке при интенсивной террористической (религиозной) тренировке, включающей и специальные (ведущие к реформированию мышления) технологии психологической обработки, приводит к появлению специфической среды, которую, по аналогии с уголовной средой, можно назвать террористической средой с особым типом сознания людей, составляющих эту среду.

Генезис формирования и динамики поведения «вовлеченной» личности напрямую зависит от таких факторов как воспитание, образование, мироощущение, возможности самореализации в современной жизни, общества, которое окружает данную личность. Механизм террора заложен в человеке очень глубоко, замаскирован пластами словесных обоснований. Чаще всего террористическим действиям дает толчок чувство безвыходности из той ситуации, в которой оказалось некое меньшинство, психологический дискомфорт, который побуждает его оценивать свое положение как драматическое. Так, вербовка в культы проходит с личностями, которые находятся в сильном эмоциональном дисбалансе, как правило, это стресс, вызванный тяжелыми переживаниями после трагического события, развода, гибели близкого человека, потери работы и т.п. При всем различии террористических и культовых группировок всех их объединяет слепая преданность членов организации ее задачам и идеалам. Можно подумать, что эти цели и идеалы мотивируют людей к вступлению в организацию. Но это оказывается совсем не обязательно. Цели и идеалы служат рациональному объяснению принадлежности к данным организациям. Настоящая причина — сильная потребность во включенности, принадлежности группе и усилении чувства самоидентичности.

Обычно членами радикальных (деструктивных и террористических) организаций становятся выходцы из неполных семей, люди, которые по тем или иным причинам испытывали трудности в рамках существующих общественных структур, потеряли или вообще не имели работу. Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему столь же асоциальной, как и он сам. Общей чертой террористов и культистов является, таким образом, сильная потребность во включенности в группу подобных людей, связанная с проблемами самоидентичности (Miller, 1988).

Понятно, что членом радикальных или культовых группировок не становятся сразу. Прежде чем стать членом радикальной и деструктивной организации, человек проходит через апатию и другие формы социальной дезадаптации (Miller, 1988). Идентификация с асоциальной (радикальной или деструктивной) группой обеспечивает таким людям социальную роль, хотя и негативную. Порвать с

группой для данной «вовлеченной» личности почти невозможно — это равносильно психологическому самоубийству. Представления «вовлеченной» личности могут быть уподоблены представлениям некоторых женщин, поддерживающих неудачный брак из соображения, что это лучше, чем быть незамужней. Для «вовлеченной» личности покинуть организацию значит потерять самоидентичность. «Вовлеченная» личность имеет столь низкую самооценку, что для него отказаться от заново обретенной самоидентификации практически невозможно. Эти вовсе не авторитарные люди становятся, таким образом, членами жестко авторитарных групп. Включаясь в такую группу, они обретают защиту от страха перед авторитаризмом. При этом любое нападение на группу воспринимается ими как нападение на себя лично. Соответственно любая акция извне значительно увеличивает групповую сплоченность. Об этом необходимо помнить, организуя информационную борьбу с террористическими и культовыми организациями. По мере того как «вовлеченная» личность проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику и новояз.

Подобная ситуация (процесс) побуждает «вовлеченных» личностей к нанесению ударов по обществу и врагу, кто бы им ни считался. Врага определяют лидеры-гуру организации. Они намечают мишени, а также методы нападения, которые следует использовать. Одновременно определенным группам населения (оппозиционным государству и т.п.), дают понять, что в обмен на обязательства, взятые на себя террористической или культовой организацией, эти группы тоже должны взять на себя обязательство поддержки террористов (культистов). Возникает своеобразная круговая порука, позволяющая лидерам террористов и культистов требовать от указанных групп финансирования, снабжения, укрывательства, поставки рекрутов и т.п. Этим в террор или культ прямо или косвенно втягиваются уже большие группы населения, создающие его социальную базу и затрудняющие создание в обществе сопротивления насилию.

Хотя стоит отметить, что культисты не требуют поддержки социальных групп, а предпочитают, используя технологии контроля сознания захватывать и контролировать социальные группы. Важной особенностью здесь служит то, что «вовлеченный» член культа не должен иметь личной собственности и культ ему в этом помогает. Культы, в отличие от радикальных организаций, контролируют большие предприятия и материально обеспеченных менеджеров. Радикальная (террористическая) группа предпочитает уничтожать для запугивания и дестабилизации обстановки в обществе, а культы — присоединять и использовать для роста своего влияния.

Такая насильственная радикально-культовая среда, состоящая из идеологического центра, специальных формирований и социальной базы — уже достаточно эффективный инструмент в руках тех, кто ее контролирует.

Из всего вышеприведенного можно сделать несколько выводов:

«деструктивные группы» используют одни и те же техники реформирования мышления (контроля сознания), что и радикальные террористические организации;

«деструктивные организации» в отличие от радикальных террористических групп, предпочитают захват предприятий и социальных групп для дальнейшего перераспределения их ресурсов в свою пользу, а не террористические акты с целью уничтожения предприятий или лидеров социальных групп;

деструктивные группы в отличие от террористических групп предпочитают избегать внимания СМИ;

атмосфера внутри культовых и террористических групп во многом идентична, что вызвано общими особенностями сознания «вовлеченных» личностей;

истоки проблематики существования терроризма и «деструктивных организаций» одинаковы и есть смысл изучать их вместе в рамках феномена контроля сознания, социологии, криминологии, виктимологии и социальной психологии.

Хочется заметить, что определенные проблемы в нашем обществе необходимо решать совместно с государственными институтами власти, хотя трудно понять является ли сотрудничество со спецслужбами (в контексте рассмотренной проблемы) единственной панацеей от роста деструктивных и радикальных организаций. Но можно с уверенностью сказать, что без них эту проблему решить невозможно. Именно активная гражданская позиция должна по идее пробудить государство к более действующим мерам профилактики данных «социальных болезней».

Автор считает, что для более глубокого научного анализа стоит отнести к деятельности «деструктивных организаций» деятельность групп (мини-социумов), таких как антиглобалисты, радикальные экологи, террористы, криминальные, некоторые игровые сообщества и т.п. Изучение в совокупности деятельности данных субъектов, возможно, поможет нам лучше понять природу радикализма и роста случаев применения техник реформирования мышления (контроля сознания) в обществе.

Вершинин Михаил Валерьевич, психолог

13.06.2003

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/versh/02.php